

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Образцы общественно-политической пародии XVIII — нач. XIX в.

Политическая сатира в форме церковных молитв издавна привилась во всей Западной Европе. Корнями своими восходя к латинской литературе странствующих школьников и монахов, которые пользовались церковной формой сначала для шутливых травестий, затем для сатирических нападок на папскую курию, пародии на церковные жанры уже с XIV в. наполняются политическим содержанием. Французские пародии-молитвы XIV и последующих веков откликаются на политические события, становясь, таким образом, орудием политической борьбы на ряду с другими формами политической сатиры. В истории Западной Европы ряд эпох оставил нам целые группы сатирических произведений, в том числе и пародий-молитв на события текущего момента. Такова, напр., столетняя война, эпоха реформации, семилетняя война, в Польше — рокош Зебжидовского, Барская конфедерация, разделы Польши, Тарговицкая конфедерация. Во всех западных литературах, в том числе и в польской, политическая сатира была крупным общественным и литературным явлением.

Нельзя того же сказать о русской литературе эпохи феодализма. Условия, в которых она развивалась в этот период, не благоприятствовали у нас широкому распространению именно политической сатиры. Вторая половина XVII в. отмечается появлением у нас сатирических памятников, но эта сатира еще не подходит под стиль европейской политической сатиры: ее правильнее характеризовать как сатиру общественную. Не касаясь определенных событий, тем более — лиц, играющих крупную роль в государственной жизни, она берет своей темой те или иные дефекты в общественной жизни. Оттого политический оттенок в русской сатире этого времени несравненно слабее, чем в европейской. Среди этих сатирических

¹ Виршевой Торжественник к XVII в. допускает выпад против «гнезненска» епископа, бывша от дворския немощи без носа — см. А. С. Орлов, Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905, стр. 29.

произведений второй половины XVII в. мне уже приходилось отмечать пародии на церковную литературу. Таковы — «Служба Кабаку», «Повесть о попе Савве». Эти пародии выросли целиком на почве славянской церковной традиции и ни в какой мере не связаны генетически с теми пародиями-молитвами, которые в Западной Европе этого и более раннего времени примыкали к другим формам политической сатиры.

Только с половины XVIII в. отголоски этой европейской церковной пародии-сатиры доходят до русской литературы в переводах и находят себе подражателей. Но и то это были лишь единичные факты, примкнувшие к той «подпольной» литературе, которая позволяла себе в это время более или менее осторожно задевать не только общественные явления, но и определенных политически влиятельных лиц. Эта литература в XVIII в. не доходила до печатной книги: не таковы были цензурные условия, чтобы подобного рода произведения разрешень были к широкой огласке. Рукописная традиция служила для распространения среди более или менее узкого круга читателей этих смелых, порою резких нападок на отдельные факты в политической и общественной жизни. Среди этих сатирических «подпольных» произведений следует отвести место и тем немногочисленным образцам пародий на церковные молитвы и вообще на церковную литературу, которые дошли до нас в рукописных сборниках XVIII и нач. XIX в.

Эти пародии хотя хронологически и выходят из рамок так называемой древней литературы, однако не могут рассматриваться изолированно от нее: они являются непосредственным продолжением той линии, которую можно вести, начиная с сатирических памятников второй половины XVII в. Использование старых литературных форм в новом преломлении, характерное для сатиры XVII в., нашло себе здесь яркое выражение.

I

Хронологически старшей из пародий-молитв, связанных с западно-европейской литературной традицией, является пародия на «Отче наш», бытующая обычно под заглавием «Ныне употребляемый саксонских крестьян Отче наш»¹; в списке собр. Шляпкина № 54 (Научн. библ. Саратов. гос. унив. № 305), 1790-х годов, к заглавию добавлена дата «1757 году».²

¹ Работа была сдана в печать, когда мне стала известной статья Н. П. Андреева «Отче наш и общественно-политическая сатира», Изв. Общ. арх., ист. и этн. при Казанск. унив., т. XXXIV, 1929, вып. 3—4, стр. 155—160. Здесь издан текст «Отче наш» по Казанскому сборнику. В комментарии Н. П. Андреев опирается на замечания М. Сухомлинова, цитируемые и мною.

² Эта пародия-молитва известна мне в шести списках: Гос. ист. музей № 2857, 2-й пол. XVIII в., лл. 58 об. — 59; Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 17,

Привожу текст этой пародии по списку Гос. Ист. музея № 2857 (опускается ер в конце слов, ять передается через е, исправления приведены по сл. Гос. публ. библ.)¹⁾ О. XVII. 17).

(Л. 58 об.) Ныне употребленное саксонских христиан Отче наш.
 Солдат скоро как в дом вступает, хозяина того призывает Отче!
 Имение и весь твой дом теперь стал не твой уж, он наш.
 Молчит крестьянин, размышляет и внутренно его ругает, и же еси
 Щастливой век наш перервался, помощник нам один остался на небеси.
 Число злодеев есть безмерно, и нет достойнаго в них верно. Да святится,
 Что все народы почитают, оне, о боже, раздражают имя твое.
 Лишенным щастия, покою, спасение твоею рукою да приидет,
 Когда тобой не защитится, разграбится и разорится царствие твое,
 Когда злодеев смерть постигнет, избавленной народ воскликнет: да будет
 воля твоя!
 Напастей, бед совсем лишаса, все будем жить веселяся, яко на небеси.
 Отколь животныя взялися, не с неба ль спешдши развелися и на земли?

(Л. 59) Своим все наше почитают и з жадностью из рук хватают хлеб наш
 насущный.
 Крестьянин всяк (от)^а них кричит: (чтоб)^б было нам что есть, что пить,
 даждь нам днесь.
 Коя подать тебе, царь несчастной, не заплатим в сей год ужасной, остави
 нам.

Теперь нам всем не до тебя, платить нет сил и за себя долги наша.
 Противники владеют нами и с нашими живут женами, яко же и мы
 Хоть в сердце злобу к ним имеем, но в том запретить им не смеем, оста-
 вляем.

Гостей несносных мы имеем, пусть чорт в ад их сведет к злодеем должни-
 ком нашим,
 Пусть будет скот наш в их угодность, самих к ним, (боже)^в, в ту же долж-
 ность не введи нас.

Жен наших, дочерей отняли, чрез них они введены стали во искушение,
 Всесильный, не оставь нас бедных между людей жестоких, вредных, но
 избави нас.

Спаси нас, часть нашу исправи, помилуй, (свободи)^г,⁴ избави от лукаваго.
 Чтоб все солдаты провалились или на турков устремились. Аминь.

с записью 1768 г., лл. 133 об. — 136; Библия. Саратов. гос. ун-в., собр. Шляпкина № 305 (54), 1790-х гг., лл. 14—14 об.; Казанск. ун-в. № 19953, к. XVIII в., лл. 138—140 — здесь перед заглавием пометка: «М. Лом»; рукописн. сборник, принадл. А. Ф. Бычкову, к. XVIII — нач. XIX в., лл. 126—127; Вахрамеева № 634, с датой 1777 г., лл. 37 об. — 38.

¹ В ркп. из.

² В ркп. что.

³ В ркп. им.

⁴ В ркп. свободи.

Все списки дают один и тот же текст, с незначительными отличиями в отдельных словах, в расстановке их (напр., свободы — сподоби, что — чтоб, от — из и т. д.). В позднем списке собр. Шляпкина представляет интерес дата — 1757 г., совпадающая, как увидим, с историческим событием, описанным в сатире.

Традиция XVIII в. приписала эту сатиру Ломоносову. С его именем она значится в реестре Казанского сборника; на нее намекает одна из современных Ломоносову сатир на него, где, на ряду с другими нападениями на Ломоносова, читаем:

Думы не было саксонам Отче наш наоборот
 Честь в приклад своим уронам.
 Но такой сыскался мот, выродок от стран российских,
 Кто слышал о сем в персидских
 Иль в других, где идол — бог,
 Бога кто б ругать так мог?

(«Дифирамб Бакхусу, обитающему в ученом пиите». Собрн. ^{ГПБ} Гос. публ. библ. О. XVII. 17, лл. 148—153).

Таким образом, это «Отче наш», о котором между прочим вспоминается в стихотворении, присланном в редакцию Ежемесячных сочинений (саксонские крестьяне, по словам этого стихотворения, «со слезами Отче наш взывают»), традиция приписывает Ломоносову. Но если даже признать его участие в составлении этой сатиры, то все же оно ограничится переводом или — самое большее — переделкой какого-то иностранного оригинала. М. Сухомлинов, в примечаниях к сочинениям Ломоносова, признал саксонский «Отче наш» «довольно близким подражанием пародии, издавна существовавшей в немецкой литературе и известной в нескольких редакциях. Каждая война давала новые черты, и в различных редакциях можно заметить более или менее яркие следы тридцатилетней войны, семилетней, наполеоновских войн и т. д.»⁴ В дальнейшем Сухомлинов приводит полностью один из таких текстов, указывая, однако, что в отдельных местах русский перевод ближе к другим редакциям.

Чтобы разобраться окончательно в вопросе о том, каким же оригиналом воспользовался русский переводчик, — будь то Ломоносов или кто другой, — необходимо было бы привлечь к сравнению все иностранные тексты. Но, к сожалению, большинством из них Сухомлинов пользовался

⁴ Соч. М. В. Ломоносова, т. II, СПб., 1893, прим. стр. 152—157.

в рукописях, сам же он детального сличения не произвел. Осталось неизвестным ему и наличие того же «Отче наш» у соседних немцам поляков. Четыре начальных стиха этого польского текста, изданные по рукописи Виленского общества любителей наук в Вильне № 127,⁵ показывают, что немецкий и польский тексты ближе между собой, чем русский по отношению к ним обоим. Общий источник польского и немецкого текстов ясен, но русский, сравнительно с ними обоими, представляет не простой перевод, а скорее переделку, сохраняющую в главных чертах замысел автора, но все же не буквально передающую его. Эту разницу показывают уже первые четыре строки текста, которые мы имеем возможность сравнить по всем трем изводам (немецкому, польскому и русскому): русский отстывает от обоих, близких между собой, западных редакций. И немецкий текст говорит, что крестьянин, увидев нежелательного для него гостя, мысленно посылает его «zum Teuffel», и польский желает ему — «G'dź mi do djabła», тогда как русский более осторожно замечает: «и внутренно его ругает». Конечно, если бы сравнение можно было провести по всему тексту, выводы получились бы более определенные, пока же мы убеждаемся лишь в одном, что «Отче наш саксонских крестьян» есть памятник переводный. Поскольку немецкая литература гораздо шире знала разновидности этой сатиры, притом же считаясь с традицией, приписывавшей уже в XVIII в. это произведение Ломоносову, осторожнее будет счесть ее оригиналом именно немецкое стихотворение — пародию.

О бедствиях саксонцев под игом вошедших к ним в 1756 г. прусских войск говорили в России много. Сама Елизавета Петровна всячески старалась распространять эти слухи, руководствуясь, конечно, не чувством жалости, а дипломатическими соображениями: своему послу в Англии Голицыну она приказала при всяком удобном случае распространяться о жестокостях, которые прусские войска чинят в Саксонии. Ее целью было склонить Англию к выступлению против Пруссии. Нет ничего удивительного в том, что Ломоносов, знавший, возможно, этот «Отче наш» еще по своей заграничной поездке, переделал плач бавагских крестьян, которым приписывает его немецкий оригинал, приспособив его к событиям своего времени. В пользу авторства Ломоносова может говорить и избранная им форма. Антицерковное настроение Ломоносова, несомненно, могло способствовать тому, что он обратил внимание на западную пародию-молитву, за что и был обвинен своими истово православными врагами

⁵ 1 К. Kolbuszewski. Poezja barska, Bibl. Narodowa № 108, I, Kraków, 1928, стр. 249—250.

⁶ 2 С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 24, стр. 1000.

в кощунстве. Польский текст ту же сатиру связывает с силезцами: после войны за австрийское наследство они перешли к пруссакам и с ненавистью смотрели даже в мирное время на постой чужого для них войска. Очевидно, мы имеем в данном случае действительно какой-то бродячий текст, который в разные эпохи и в разных странах приспособляется к местным условиям, сохраняя в общем свои основные очертания. Так поступил, видимо, и русский переводчик, изменив заглавие, добавив в конце пожелание — «чтоб все солдаты провалялись или на турков устремились»: турки для саксонцев и для русских в ту пору были одинаково ненавистными врагами. Возможно, что намеком на саксонские события является и стих: «Коя подать тебе, царь несчастной, не зачатим в сей год ужасной». Как известно, после вторжения пруссаков курфюрст саксонский Август покинул свое государство, а австрийский посланник Гросс в своем донесении, перечисляя насилия пруссаков — «прусское войско захватывает замки, арсеналы, магазины, обезоруживает городовых солдат» — добавляет: «платит за все одними квитанциями, не позволяет саксонцам вносить подати в казну курфюрста» (Соловьев, т. 24, стр. 917). Этим строкам русской сатиры в немецких текстах соответствия нет. Возможно, что их добавил русский переводчик, наделив от себя же солдат рядом эпитетов, характеризующих их поведение в чужой стране: «злодеи, противники, животные, люди жестокие, вредные».

В русском переводе или переделке «Отче наш» сохранил главную черту своего литературного оформления — из посл дних слов каждой строки слагается полный текст славянской молитвы. Таким образом, принцип пародирования «Отче наш» соблюден, и как раз это-то и вызвало такое негодование противников Ломоносова. Вполне разделяя его чувства по отношению к обиженным саксонцам, они сочли «кощунственной» самую форму сатиры. Может быть, именно потому «Отче наш» не вошел ни в одно из старших изданий сочинений и переводов Ломоносова. Однако, в рукописях он распространялся и притом как раз рядом с подлинными сочинениями Ломоносова — обычно рядом с «Гимном бороде».

II

Более глубокие корни пустил на русской почве другой «Отче наш», переведенный с немецкого языка. В № 82 за 23 июля 1787 г. журнала «Зеркало света», издававшегося короткое время (1786—1787 гг.) в Петербурге Ф. О. Туманским и И. Ф. Богдановичем, среди известий из-за границы, занимающих в нем много места, был напечатан, с кратким изъяснением сюжета, следующий «Отче наш»:

Пруссия

Королевство Прусское со времен царствования покойного короля Фридриха второго отягчено было разными поборами, не в разсуждении количества оных, ибо кто из подданных отречется платить дань, нужную к содержанию государства и устройению собственного покоя. Но по образу собирания сих доходов. Покойный монарх при всей своей великости имел пристрастие к французам и в пользу их отдавал на откуп разные доходы. Известно, что монополия всегда сопровождается обидами подданных. Таков был табачный откуп. Уничтожение сего откупа подало повод к сочинению следующей молитвы.

Великий монарх, непобедимый король Фридерик Вильгельм второй, отче наш,
 Всемиловейший государь и князь иже еси,
 Благодарение тебе и награда на небесех,
 За уничтожение табачного откупа да святится имя твое,
 Желаем, обещанная тобою милость да приидет,
 Всевышний благословит за то царствие твое,
 Мы преедем вечно твои верноподданные и возгласим: да будет воля твоя,
 Когда уничтожится откупное правительство, тогда мы яко на небесех.
 Ибо откупы конечно противны небесам, тако и на земли.
 Откупом сим отнят у нас хлеб наш пшеничный,
 О великий король! свободу в торговле даждь нам днесь,
 Не возпомяни покушений наших противу откупщиков и остави нам.
 Позволь приобрести что либо торговлю, да заплатим долги наша.
 Французы оставили...³ яко же и мы оставляем.
 Когда обогатимся торговлею, то и мы в состоянии будем иметь снисхождение
 к должником нашим.
 Всемиловейший король, что нам вредно, не введи нас во искушение,
 Не вводи никогда проклятого сего откупа, но избави нас от лукаваго,
 Ты можешь, государь, помочь твоим подданным, яко твое есть царство,
 Ежели получим мы пособие, то возвратится наша и сила,
 И французам не будет принадлежать и слава,
 Ибо их всех отставить можно, яко они не существуют во веки,
 За сие возсылать будем тебе, государю, благодарность нашу до позднейших
 веков,
 И возрадуешься в жизни вечной, аминь.²

Этот «Отче наш», представляющий нечто вроде оды в честь Фридриха II, русским переводчиком правильно понят как подражание церковной молитве, славянский текст которой он и расположил, согласно с замыслом оригинала, в конце строк.

¹ Так и в печатном и в рукописном текстах.

² Рукописную копию этого текста имеем в рукописн. собр. Библи. Академии Наук УССР, Лаврск. № 78.

Заключительные слова этой пародии, откровенно выражающие недоброжелательство по адресу французов, — «их всех отставить можно, яко они не существуют во веки», — повидимому, послужили толчком к созданию близкого подражания ей, применительно к фактам русской жизни. В рукописи Библ. Академии Наук УССР № 898, нач. XIX в., сохранился «Отче наш», обращенный к Александру I. Ему приносится благодарность за отмену откупов (название табачного откупа, в России неизвестного, пропущено) и сохранен намек на какие-то торговые привилегии, дарованные французам. Автор этого подражания почти целиком сохранил текст немецкого оригинала, лишь слегка изменив отдельные строки: ^{САУ} ²⁸

(Л. 38) Великий государь, непобедимой, Отче наш,
 Император Александр первой иже еси,
 Всемиловитвейший земный царь, да будет тебе благословение и награждение
 на небесех,
 За уничтожение откупов да святится имя твое.
 Вся обещанная милость, как мы желаем, к нам да придет,
 Всевышный да благословит за то царствие твое.

(Об.) Желаем верными подданными быть тебе навсегда, зывая, да будет
 воля твоя,
 Когда уничтожатся выемщики, тогда мы будем яко на небеси,
 Ибо откупы не только на небеси неприятны, но и на земли,
 И чрез сии откупы мы потеряли хлеб наш насущный.
 Всемиловитвейший государь, прежняя воли торговли даждь нам днесь.
 Погрешностей наших против выемщиков не взыщи и остави нам,
 Позволь нам чрез вольную торговлю хотя мало нажитыся, дабы уплатить
 долги наша,
 Вить французы имеют всемиловитвейшее повеление долги их оставить, яко же
 и мы оставляем,
 Ежели чрез торговли зделаемся богаты, тогда можем отстрочить долж-
 ником нашим,
 Милостивейший государь, избави нас от того, что вредно, и не введи нас
 во искушение,
 Не попусти противному укорениться, но избави нас от лукаваго,
 Ты можешь, великий государь, подданным помогать, яко твое царство
 Когда мы получим защиту, то будем в нем и сила,

^В Н. П. Андреев в отмеченной выше статье связывает эту пародию с «Отче наш», приписываемым Ломоносову: «смелая по тогдашнему времени идея подобного применения популярнейшей молитвы к целям общественно-политической сатиры оказалась плодотворной, и мы встречаем в рукописной литературе совершенно своеобразные выражения ее, относящиеся уже к началу XIX в.» (стр. 157).

Да не процветают в нас более французская честь и слава,
 .....(здесь пропущен стих с окончанием «во веки»)
 Да будет тебе благодарность чрез все продолжения веков.
 И за то ты получишь верную жизнь. Аминь.

В такой осторожной верноподданнической форме выразился протест торгового класса против каких-то привилегий, данных французам в торговле. Они могли иметь эти привилегии в царствование Александра I лишь в короткий промежуток времени от Тильзитского мира до 1810 г., когда началась таможенная война с Францией, положившая конец всем привилегиям. Вероятно, в этот период и создано наше подражание немецкой молитве, в котором русские торговцы, охраняя свои материальные интересы, так дружно сошлись с немецкими на ненависти к французам. Что касается намека на отмену откупов и возобновление «вольной торговли», то Н. П. Андреев в цитированной статье справедливо видит здесь указание на те надежды, которые появились после создания в 1805 г. комитета для изыскания средств к ограничению пьянства при сохранении государственного дохода. Ожидали отмены откупов, и из среды заинтересованных в этом лиц и мог выйти такой «памфлет» (стр. 158). Как раз в то время, когда работал комитет, или в очень близкое к нему, французы могли иметь некоторые привилегии в торговле с русскими. Временем до 1810 г. таким образом можно датировать нашу пародию, учитывая заключающиеся в ней указания на определенные факты.

Гораздо большим успехом у читателей пользовалось до половины XIX в. другое подражание тому же немецкому оригиналу — «Плач коллегских и титулярных советников». Этот плач известен мне в трех копиях:

1. Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Шедрина (6-Общ. люб. др. письм.) Q.CXVI; среди разных бумаг XVIII и XIX вв. здесь находится «Плач коллегских и титулярных советников». Нач.: «Отче наш, мы сыны России...» (изд. X. Лопарев. Описание рукописей Общ. люб. др. письм., ч. II, СПб., 1893, стр. 194). ГБА Музейн. собр.

2. Библ. им. Ленина, № 2665, 1826 г., ноября 15, л. 87, без заглавия. Нач.: «Государь, мы сыны России...»

3. Собр. В. Н. Перетца 0.287, сборн. серед. XIX в. «Молитва штатских канцеляристов на прошение чина коллежского регистратора у государя». Нач.: «Государь, мы сынове России...»

Привожу текст этого «Плача» по рукописи Общ. люб. др. письм. Q.CXVI, исправляя ошибочные чтения по списку Библ. им. Ленина № 2665.

01110

ГБА Музейн.

ПЛАЧ КОЛЛЕГСКИХ И ТИТУЛЯРНЫХ СОВЕТНИКОВ.

(Государь),¹ мы сыны России зовем к тебе, Отче наш!
 Милосерд, любезен нам и кроток и же еси,
 Во все время в России (было)² как на небеси,
 (На теперешнее время царствия твоего)³ да святится имя твое,
 На нас титулярных и коллегских советников да придет царствие твое,
 А на тех молодых людей, кои по открытии университетов не пошли учиться,
 да будет воля твоя,
 Тогда мы прославим с благо(го)вением имя твое, яко на небеси,
 А те прославят оное и на земли,
 Рвеннем и трудами мы у тебя изыскали хлеб наш насущный,
 Перестарели в службе, ожидая чинов твоих, даждь нам днесь,
 А что мы не учились и всего не умеем, в том нас прости и остави нам
 долги наша,
 Жить прежде просто было, а предки наши немного учились, и не все знали,
 яко же и мы,
 От (неумения)³ нашего прости будучи, оставляем должником нашим,
 За сим не только в учебные классы не введи нас,
 И не поручай нас профессорам во искушение,
 А от университетскаго ректора избави нас от лукаваго.

Текст этого «Отче наш» прочно держится в списках; только в самом позднем из них «коллегские и титулярные советники» заменены штатскими канцеляристами, как увидим, в связи с новыми законами о праве на получение чиновниками чинов.

Автор этого «Плача» взял от немецкого оригинала лишь оформление, построив свое изложение таким образом, что конечные слова строк составили у него текст молитвы «Отче наш». Но все содержание его «Плача» связано с сильно взволновавшим разные слои русского общества указом 6 августа 1809 г., предложенным Сперанским. Указ запрещал производить в чин коллежского асессора и статского советника лиц, не окончивших университета или не сдавших экзамена по определенной программе. Выслуга лет, согласно этому новому закону, перестала приниматься во внимание при производстве в следующий чин. Этот закон вызвал ропот со всех сторон; не только сами старые чиновники, которые «перестарели на службе, ожидая чинов», как говорит «Плач», осудили его, но и те, кто легким производ-

¹ В ркп. нет.

² В ркп. был.

³ В ркп. и в теперешнем царстве твое.

⁴ В ркп. недоумения.

ством надеялись получить новое потомственное дворянство. Недовольно было и дворянство, хотя его интересы были задеты новым законом лишь косвенно — дворяне сами служили либо по выборам, либо в военной службе, но они были недовольны тем, что указ 6 августа упрочивал служебное положение семинаристов, в тогдашней России составлявших самую образованную часть чиновничества. Дворянство с трудом переносило и одного семинариста — Сперанского, а тут, по его мнению, собирались устроить целый рассадник Сперанских. Не найдя себе поддержки ни в ком, указ 6 августа тотчас после отставки Сперанского стал постепенно ограничиваться, а затем 25 июня 1834 г. был отменен совсем.¹³

Судя по тому, что все тексты «Плача» согласно просят об избавлении «от университетского ректора», можно думать, что «Плач» составлен тогда, когда закон 6 августа был еще в полной силе, т. е. между 6 августа 1809 г. и 21 марта 1812 г. В этом году ряд других школ получил право давать необходимый для повышения в чине ценз. Если бы «Отче наш» чиновников сложился в это время, то вряд ли университетский ректор номинался бы в нем только один в роли «лукаваго», от которого црѣ должен освободить несчастных чиновников. Эта формула оказалась устойчивой, и еще в 1890-х годах, когда «штатские канцеляристы» просят чина коллежского регистратора, для чего не требовалось университетского диплома, а пужен был лишь экзамен по весьма ограниченной программе, производившийся не в университете, — просители все-таки продолжают молить словами старого текста: «и не поручи нас профессорам наук во искушение, и к университетским ректорам не допусти, но избави нас от лукаваго».

Этот «Плач» чиновников отразил уже несомненно политический факт: борьбу против Сперанского, влияние которого было сильно именно в ту пору, когда он поддерживал идею франко-русского союза. В этом отношении оба русских подражания немецкому «Отче наш» сближаются: и тот и другой относятся к периоду, когда в политике сильны были защитники этого союза. Первый «Отче наш» благодарит за уничтожение привилегий французов, второй молит об отмене закона, направленного в пользу новых классов, выдвигавшихся в государственной жизни. Ясно, что оба произведения вышли из лагеря противников политики Сперанского. Внешне они сохраняют вполне лойяльный вид: просьбы об отмене неудобных законов обращаются к верховной власти, которую ни одна пародия ни в какой

13

13 М. Н. Покровский. Русская история, т. IV, М., 1914, стр. 273—274.

мере не затрагивает. В условиях тогдашней русской жизни эта форма была вполне приемлема для тех классов, интересы которых отражают обе пародии.¹¹

III

Иной характер носят пародии на церковные молитвы, пришедшие к нам в XVIII в. из Франции и Польши.

В рукописном сборнике 1790-х годов собрания Шляпкина № 54 (Науч. библ. Саратов. гос. унив. № 305) читаем «Французское Отче наш, вышедшее в 1772 году по притчине замешательств внутренних между королем и правительством» (л. 14):

«Отче наш, иже еси в Версалии, не почитается имя твое, колеблется царство твое, не исполняется воля твоя ни на небеси, ни на земли, даждь нам хлеб наш насущный, его же лишил еси нас, и прости парламентам нашим, яко же и мы прощаем министрам твоим, и не впадай во искушение госпожи де Барри, но избави нас от дюка де Гильона. Аминь».

Этот «Отче наш», формально построенный иначе, чем немецкий, сохраняет лишь остов молитвы, отдельные ее выражения, вкрапленные в текст чисто политической сатиры. Этой формой он сближается с русской пародией на «Отче наш», вставленной в текст «Службы кабаку» XVII в.

Переводное французское «Отче наш» отражает конфликт между королем и парламентом, возгоревшийся еще с 1766 г., когда парламент отказался внести королевский эдикт, привлекавший к податям и привилегированные классы, и потребовал, чтобы предполагаемая этим эдиктом касса погашения была поставлена под его контроль и, затем, чтобы парламенту, как в Англии, ежегодно представляем был бюджет государственных доходов и расходов. Столкновения с парламентом обострились особенно тогда, когда в 1771 г. король воспользовался тем, что парламент самовольно предал суду бретанского губернатора герцога Эгильона за его дурное управление своей областью, и отменил парламенты повсеместно. Общественное мнение встретило с негодованием это распоряжение, и француз-

¹¹ Н. П. Андреев в назв. статье издал еще один текст пародии на «Отче наш» под заглавием «На щот Беклешова 1804 года декабря 27 числа» — «своего рода наказ Беклешову при вступлении в 1804 г. в должность московского генерал-губернатора». Автор пользуется такой же формой, заканчивая каждую строку отрывком молитвы, и Н. П. Андреев высказывает предположение, что «Отче наш» Александру I и Беклешову если и не принадлежат одному автору, то выразили интересы одной и той же торговой среды (стр. 159—160).

ский «Отче наш» отражает литературные отголоски этого события.¹² «Прости парламентам нашим, яко же и мы прощаем министрам твоим, и не впадай в искушение госпожи де Барри, но избави нас от дюка де Гильона» — все это точное описание событий последних лет царствования Людовика XV, когда фактически правила всесильная фаворитка через своих приверженцев, в числе которых был и «дюк де Гильон». «Искушение госпожи де Барри» обошлось французским финансам в 180 миллионов ливров за 5 лет ее господства, и потому понятна мольба о «хлебе насущном», которого король «лишил» французов через своих вельмож и фаворитку.

Для русского читателя интерес этой молитвы был, конечно, не в деталях, понятных только французу, но в смелой критике действий верховной власти, критике, невозможной в условиях русской действительности. «Отче наш» французов переписан тогда, когда Екатерина II, напуганная событиями во Франции, уже запретила какие бы то ни было упоминания о происходящем там. Не касаясь непосредственно событий революционной поры, этот «Отче наш» все же показывал начало борьбы с королевской властью, которая закончилась казнью Людовика XVI. При полном отсутствии возможности проявить открытую оппозицию у себя, русский читатель вынужден был довольствоваться хотя бы молчаливым одобрением того, что делалось в другом государстве, где парламент открыто выступает против короля.

Русский переводчик французской молитвы сразу воспринял ее как пародию на хорошо знакомый ему текст «Отче наш» и потому все соответствующие места переводит, придерживаясь традиционного славянского текста молитвы, и стилизует остальной текст под ту же манеру. Таким образом, непривычно для второй половины XVIII в. он употребляет, напр., форму «лишил еси», плохо вяжущуюся стилистически со словами типа «парламент, дюк, министры, Версалия». Литературный замысел оригинала передан переводчиком правильно.

IV

Эпоха падения самостоятельности польского государства создала огромное количество сатирических произведений, вышедших из различных политических лагерей. Часть этих сатир в форме пародий на церковную литературу была переведена на русский язык.

¹² М. Н. Петров. Лекции по всемирной истории, т. IV, СПб., 1905, стр. 63—67.

Хронологически старшим в ряду этих сатирических произведений является подражание десяти заповедям, сохранившееся в рукописи Научн. библ. Саратов. гос. унив. № 2127, конца XVIII в., на лл. 181 об. — 182.

Десять заповедей

1. Аз есмь твой государь и король, которой от непозвалям избавил тебя.
2. Не приемли имени непозвалям всеу; ибо государь не оставит без наказания, кто имя сие употреблять станет.
3. Ты должен работать в праздник, дабы не умер ты с голода.
4. Чти отца твоего короля Пруссакого и мать твою Марию Терезию, дабы нещастия не превзошли главу твою и дни твои в Казане и Темешваре и в крепости Шпандау не умножились.
5. Ты не будешь убивать, понеже потерял саблю.
6. Ты прелюбодействовать не станешь для того, что и своих детей с нуждою прокормить можешь.
7. Ты не будешь красть, ибо прусаки и цесарцы прилежно на твои пальцы смотрят.
8. Ты не будешь во лже свидетельствовать, потому что я скажу тебе: то правда.
9. Ты не пожелаешь дому ближняго своего, потому что не получишь.
10. Ты пожелаешь ближняго своего жену, раба, рабыню, скот и все, что его есть; однако же напрасно, потому что прусаки, русские и цесарцы желание твое уже предускорили.¹³

Судя по упоминанию здесь Марии Терезии, заповеди относятся ко времени не позже 1780 г. — года ее смерти, и не раньше 1773 г., так как первый раздел Польши автору уже известен: прусаки, цесарцы (австрийцы) и русские выставлены в этих заповедях наравне как грабители Польши, а в наказание за несоблюдение заповедей непокорным обещается Казань, Темешвар и крепость Шпандау, т. е. те три места в России, Австрии и Пруссии, куда ссылались после сейма 1772 г. протестовавшие против вмешательства иностранных держав в польские дела. Заповеди вышли из лагеря, враждебного королю, первая вина которого, по словам автора, «избавление от непозвалям». Как известно, начиная с 1768 г., Станиславу Августу удалось, ценой уступок в вопросе о диссидентах,

¹³ Ср. текст славянских заповедей: «Аз есмь господь бог твой, изведый тя от земли Египетской и от дома рабства. Не приемли имени господя бога твое всеу ибо господь не оставит без наказания иже приемлет имя его всеу. Шесть дней работай... Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и да долготелен будеси на земли... Не убий. Не прелюбы сотвори. Не укради. Не свидетельствуй на друга твоего ложно. Не пожелай дому ближняго твоего, ни жены его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всего елико суть ближняго твоего». Вторая книга Моисеева. Исход гл. 20, ст. 1—17.

добиться сокращения применения либерум вето: был выделен ряд вопросов, решавшихся большинством голосов. Но автор заповедей и вообще занимает позицию, враждебную королю, позицию так наз. польских патриотов того времени, которые протестовали против грабежа Польши иностранными правительствами. Король и его партия в этом отношении были в противоположном лагере — они постоянно опирались на поддержку русского посла, соглашаясь даже на ввод русских войск на польскую территорию. Но под впечатлением первого раздела автор заповедей не выделяет еще, как особо вредных, русских пришельцев на его родину: для него одинаково ненавистны и пруссаки и австрийцы.

Совсем иной характер носит большинство сатир, относящихся к эпохе второго раздела Польши и особенно к Тарговицкой конфедерации. После второго раздела Польши сложен «Символ Польский верь» (ркп. Научн. библ. Саратов. гос. унив. № 2127, кон. XVIII в., л. 181 об.):

«Верую во императрицу всероссийскую, самодержицу красной и белой России и многих польских земель. И в короля Прускаго, курфирста Бранденбургского нашего государя, рожденного от неосторожности евронеиских держав страдавшего от русских при Франкфурте и Ландсберге; распятого от Лаудона не умерша, но бессмертно возшедшаго на Гданскую гавань и многия области польския; воскресшаго в Эрманландии и Померании; сидящаго одесную королевской своей силы, откуда придет наполнен требованием живым и мертвым. И в Иосифа, короля и кесаря всеобщаго, многих не Римских, но Польского государства распространителя, потеряннем наших сабель соляных варниц и вечного подданства. Аминь»³

«Символ Польский верь», несомненно, написан после второго раздела, так как прусский король, пострадавший от русских при Франкфурте и Ландсберге (во время семилетней войны) изображен здесь «бессмертно вошедшим в Гданскую гавань, воскресшим в Эрманландии и Померании»: Гданская гавань была передана Пруссии именно после второго раздела Польши. Иосиф, согласно тексту «Символа верь», владеет соляными варницами: Австрия получила еще по первому разделу Бохню и Величку.

Как ни точно изображают заповеди и «Символ верь» печальное состояние Польши после двух разделов, все же они далеки от той силы и страстности, какими проникнута группа сатир, бичующих Тарговицкую

³ Ср. текст церковного символа верь: «Верую во единого бога отца, вседержителя, творца небу и земли... И во единого господа Иисуса Христа сына божия... иже от отца рожденного... распятого за ны при Понтийстем Пилате, страдавши и погребенна и воскресшаго... сидяща одесную отца и паки грядущаго со славою судити живым и мертвым... и в духа святаго... аминь».

конфедерацию и ее зачинщиков. Эта группа состоит из пяти произведений, развивающих одну и ту же тему: пародии на «Отче наш», двух молитв богородице, «Символа веры» и десяти заповедей. Среди изданных польских сатир этого периода мне удалось найти оригинал для трех частей этой группы — для «Отче наш», «Символа веры» и заповедей. Но, несомненно, и обе молитвы богородице восходят к тому же польскому оригиналу, изданному лишь по неполному списку. К тому же этот список вообще достаточно испорчен: русский перевод дает и более исправные и более полные тексты. ¹³⁻¹⁵

В том, что русский текст переведен с польского языка, сомнений быть не может: достаточно обратить внимание на непереведенные слова, сразу выдающие польский оригинал — русский переводчик механически заменяет польское *związek* через «связь», давая совершенно непонятное выражение «Тарговицкая связь»; совсем без перевода остаются у него польские слова — *алианс*, *гварансия*, *генеральность*, *обыватели*.

Ни пруссаки, ни австрийцы уже не упоминаются во всех этих сатирах: они целиком направлены против Екатерины, ее послов и Щенского, т. е. Феликса Потопкого, особенно деятельно склонявшего русское правительство к борьбе за отмену конституции 3 мая 1791 г. ¹³⁻¹⁵

Привожу текст сатир по списку Библ. Академии Наук УССР, по сборнику Иконникова XVIII и нач. XIX в.:

«Молитва Тарговицкая для вседневнаго отправления, всем верным России преданным изданная.

Царица матер наша, иже еси в Петербурге, да святится имя твое, прииди к нам войско твое, да будет воля твоя, яко в Москве и в Полше. Рублей твоих вседневных дай нам днесь и позволь нам богатеть и господствовать в Полше, яко же и мы дозволяем помещикам нашим и должникам полским москалям. И не введи нас в доброе правительство, но избави нас от конституции 3-го мая и от всех полезных установлений. Аминь.

Радуйся, конфедерация Тарговицкая, милостию царицы наполненная, сто тысяч россиян есть с тобою. Благословенна ты между всеми бунтовскими собраниями, кои были в Полше, ибо дело твое исполнилось, и благословен плод гордаго предприятия твоего святого: гибель народняя.

Святая конфедерация, матер всех нещастий в краю, молися за нас, твоих послушников до госпожи твоей царицы, чтобы она нас щедро одарила благополучием республики, а особливо тепер, во время кончины отечества нашего. Аминь.

¹³⁻¹⁵ Польский текст сатир о Тарговицкой конфедерации издан Д. Иловайским: *Образцы политической сатиры в Польше в эпоху падения*, Русск. архив, 1869, стр. 568.

Верую в царицу московскую, госпожу всемогущую, создательницу издавна интриг в Полше и протекторку связи Торговицкой. Верую и в Щенского маршалка, чрез себя самого избранного, которой начало взял из духа российского, родился из гордых ангелов, измучил и испустил народ под владением Станислава Августа, коего в своих писмах бранил, распял обывателей, уморил духа народного, и волность края погреб, снизшел до брата и на 3-м месяце, ничего не делав, вступил до Гродна, сидит посреди советников, ожидая, что ему Бяллер прикажет. Оттуда хочет выехать, сам еще не знает куда, чтобы судить на сейме противных России. Верую в духа московского из Петербурха к генеральности присланного, утеснение и мучение общее, афицеров и солдат российских насильное обращение, грехов, преступлений против отечества отпущения, нехорошаго правительства воскресения, края ослабления, обывателей опустошение, людей изубожение, и оных из края выведение, всего в ничто обращение и утерянних значение в Европе, и в стыд вечный. Аминь.

Десять заповедей

Аз есмь царица госпожа твоя, которая тя вывела из щастливаго правительства и значения в Европе.

1-е. Не будешь иметь особого могущества предо мной.

2-е. Не будешь ни с кем делать альянсу и не сбросиш с себя моей гварансии понапрасну.

3-е. Помни, чтоб ты 3-й день мая возненавидел навсегда, а законы Ревиния 1768-го года и Штакелберха 1775-го года чтобы соблюл верно, и потомкам твоим для соблюдения же дал.

4-е. Чти посла московского и его наложницу, почитай солдат российских естли хочешь, чтобы долго были в Полше.

5-е. Не убивай и не осуждай изменников народа.

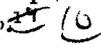
6-е. Не препятствуй жены, сестры, дочери и внучки твоей для удовольствования желания россиян.

7-е. Воруи казну публично, присвоивай себе имение частных людей.

8-е. Не говори ничего против москалей ни дома, ни на сеймах.

9-е. Желай жен и дочерей обывательских и мужичьих.

10-е. Ни вола, ни коровы, ни коня, ни овцы, ни барана, ни свиньи, ни кабана, ни козла, ни козы, ни козленка, ни поросенка, ни быка, ни индыка, ни гуся, ни утки, ни курицы, ни ципленка, ни каплуна, ни петуха не оставляй, ниже всякой вещи, кои в Полше есть.

Будешь любить царицу, госпожу твою, всем сердцем твоим, всею душою твоею, а москаля и козака, как себе самага. Аминь»

¹⁶ / 1 Тексты пародируемых «Символа веры», заповедей и «Отче наш» приводились выше; напомним текст молитвы богородице, послуживший оригиналом для второй молитвы-пародии: «Богородице дево радуйся, обрадованная Марие, господь с тобою. Благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего...» После заповедей добавлено подражание одной из заповедей блаженств: «Возлюбиши господя бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем помышлением твоим, а ближняго твоего яко самага себе».

«Отче наш», начинающее группу сатир против Тарговицкой конфедерации, сразу указывает нам, кого автор считает главным виновником всех бедствий его родины: традиционное начало молитвы — «отче наш» заменено через «царица, матер наша». Это она привела «войско свое», от нее идут «рубли вседневные», от нее — покровительство верным ей магнатам, она запрещает входить в «доброе правительство», т. е. правительство, сформированное согласно конституции 3 мая; она же избавила и от этой конституции и от «всех полезных установлений». Так в кратком конспекте подведены итоги всей политики Екатерины в Польше, начиная с направления войска и подкупов, которые практиковались ею уже со времени подготовки первого раздела и кончая уничтожением конституции 3 мая, на которую возлагались такие большие надежды польскими патриотами, ожидавшими от новых «полезных установлений» и «доброто правительства» возрождения Польши.

Вторая молитва, пародирующая «богородицу», прямо уже обращается к «конфедерации Тарговицкой, милостию царицы наполненной»: здесь автор вспомнил «стотысячи оз войско россиян» (цифра довольно точная, так как двумя отрядами были введены в Польшу сначала 64 тысячи человек под командой Каховского, а затем еще около половины этого числа под предводительством Кречетникова).¹⁷ Для автора сатиры итог конфедерации рисуется безнадежно, как «гибель народная». Так и в следующей молитве, обращенной опять к «святой конфедерации, матери всех несчастий в краю»: он просит ее ходатайства перед «госпожей царицей», особенно необходимо теперь, во время «кончины отечества».

«Симол верь» вводит нас в ряд подробностей, связанных с Тарговицкой конфедерацией. Если в качестве первого лица, в которое должен верить, по мнению этой конфедерации, поляк, названа «царица московская, создательница издавна интриг в Польше и протекторка связи Тарговицкой», то на втором месте автор ставит «Щенского». Это Феликс Потоцкий, который сразу после обнародования конституции 3 мая, живя в это время за границей, стал искать путей к ниспровержению ее. Не найдя поддержки у австрийских министров, он вступил в сношения с Потемкиным, после смерти которого продолжал переговоры с Безбородко. Сейм приглашал и его и Ржевусского присягнуть конституции, но они отказались, уехали в Петербург, и здесь было решено составить из недовольных конституцией конфедерацию, которая пригласит на помощь Россию. Были выработаны план вторжения русских войск в Польшу и декларация, обвинявшая сейм

¹⁷ А. В. Грабенский. История польского народа. СПб., 1910, стр. 370.

в нарушении трактатов. Согласно этой декларации, «светлейшая государыня, исполняя мольбы значительного числа поляков знатного рода и высокого положения, соединившихся в конфедерацию, отправляет свои войска для восстановления республиканских прав и прерогатив» (Грабеньский, стр. 369). Конфедерация собралась в Тарговице, местечке, принадлежавшем Щенскому-Потоцкому, здесь он был назначен генеральным маршалком союза (в символе веры поэтому он назван «маршалком, через себя самого избранным»). Ясно, что вся дальнейшая роль Щенского на конфедерации была обусловлена давним покровительством ему Екатерины. До сих пор сатира правильно изображает ход событий. Но дальше автор обнаруживает некоторую неосведомленность: согласно его рассказу, Щенский поехал в Гродно, чтобы там на сейме «судить противных России», и ждет приказаний «Бяллера», т. е. Бюллера, одного из командиров русского войска. Между тем на самом деле Щенский и ряд других магнатов после объявления второго раздела Польши, пораженные таким неожиданным для них результатом Тарговицкой конфедерации, подал в отставку и не принимал участия в Гродненском сейме (Грабеньский, стр. 378).

Вся третья часть символа веры, рекомендующая веру «в духа московского», описывает те насилия, каким подвергалось мирное польское население от русских войск, вплоть до «выведения из края», т. е. высылки в русские города, «нехорошего правительства воскресения» и «потери значения в Европе».

Десять заповедей начинаются этим заключительным мотивом символа веры: «аз есмь царица госпожа твоя, которая тя вывела из щастливаго правительства и значения в Европе». Дальнейшие две заповеди как бы повторяют русскую декларацию Екатерины II, согласно которой главной виной Польши объявлялось нарушение трактата о гарантии. Автор исторически точно называет два момента, когда эти гарантии объявлялись: 1768 г. во время управления посла Репнина и подтверждение гарантии в 1775 г. при после Штакельберге. Все остальные заповеди говорят о насилиях русских: они защищают изменников народа, отнимают для своего удовольствия жен, сестер, дочерей и внучек поляков, воруют казну и имущество частных жителей, запрещают всякие возражения не только на сеймах, но и в частных разговорах, насилуют жен и дочерей, грабят все, что ни попадется под руку. Исторические документы подтверждают эту картину разграбления Польши конфедератами и их союзными войсками: «Свое правление конфедерация соединяла с грабежом общественного имущества. Ее предводители получали огромные жалованья, злоупотребляли

доходами эдукационной комиссии. Террор и злоупотребления конфедератов сопровождалась своеволием союзных войск, хозяйничавших в Польше как в завоеванной стране» (Грабенский, стр. 375).

Характеристика Тарговицкой конфедерации и ее результатов ясно указывает, что сатира вышла из лагеря защитников конституции, притом, видимо, той ориентации, которая вообще осуждала всякое вмешательство русских во внутренние дела Польши. Таковы были не все, поддержавшие конституцию в 1791 г.: королевская партия продолжала во всех затруднительных случаях прибегать к помощи русских — и военной и материальной.

Какова литературная значимость этих сатир? Все они, как мы видели, переводные. Все примыкают к старой европейской традиции пародирования церковных молитв для целей политической сатиры. Переводчик целиком усвоил замысел польского автора. Переводя, он имеет в виду все время славянский текст всех пародированных в данном случае молитв, и соответствующие места не просто переводит на русский литературный язык своего времени, а переводит молитвенными формулами. Таким образом, в каждой пародии в его переводе мы легко угадываем остов молитвы, обросший подробностями исторического рассказа. Благодаря этому изложение идет в двух стилистических планах — между славянскими молитвенными оборотами находятся фразы, облеченные в обычную литературную речь XVIII в., с общеупотребительными для того времени иностранными словами, частью механически перенесенными из польского оригинала.

Почему эти сатиры могли обратить на себя внимание и заинтересовать русского читателя? Возможно, что польские сатиры-пародии времен падения Польши были занесены сосланными в Россию в большом количестве участниками борьбы за независимость Польши и, при наличии в некоторых кругах русского общества интереса к польской литературе и сочувствия к польским патриотам, они оказались переведенными на русский язык. В данном случае сыграло, возможно, роль резко отрицательное отношение некоторых слоев русского общества к официальной политике в Польше. Вооруженное вмешательство русских в польские дела одобряли не все. Оно встретило себе сочувствие главным образом в среде придворных, в руки которых широкой струей полились царские подарки в виде земель, отнятых от Польши по обоим разделам. Но мелкопоместное дворянство и нарождавшаяся служилая интеллигенция не имели никаких выгод в польском вопросе. В екатерининскую эпоху часть их познакомилась с либеральными идеями, шедшими с Запада, с теми идеями, которыми и сама Екатерина слегка поиграла в начале своего царствования. В итоге расправа с поляками

вызвала в таких кругах чувство жалости к «польским патриотам». Вот, напр., как вспоминает о своей встрече с высланными из отошедших к России польских областей офицерами-поляками А. С. Пишчевич, русский драгун, впоследствии перешедший на гражданскую службу. Уже после первого раздела Польши в 1772 г. в Полоцке все поляки приносили присягу перед русским комиссаром. Тем не менее в Тамбове автору воспоминаний пришлось быть свидетелем такого случая: «Человек с полтораста пленных поляков, в числе которых находились три офицера, приведены были из своей отчизны в сей город, которыми долженствовало пополниться убылые места в Тамбовском гарнизонном батальоне. Сии несчастные уже раз присягали на верность монархини российской, но тамбовской комендант полковник Булдаков вздумал их еще раз заставить целовать крест и евангелие греческой веры, будучи они католики. Один из пленных офицеров осмелелся предложить, что они уже раз присягали, так чтоб им истолковали, в чем будет состоять вторичная присяга их. За такое любопытство невежда комендант сему порядочно воспитанному поляку велел к спине приложить около тысячи полновесных палочных ударов. Таким образом поступаемо было с польскими патриотами в России! Всякую боль надлежит к себе применить, почему и не можно не соболезновать о участи сих несчастных, которые, защищая свои права, свое отечество, переменчивым счастьем войны достались в наши руки, а с ними поступают как с тварью». В глазах свидетеля описанной сцены, как и в глазах многих его русских современников, поляки защищали свои права, свое отечество, а вовсе не были теми бунтарями, какими их объявляла декларация Екатерины, объяснявшей свою помощь Тарговицкой конфедерации. Но, разумеется, вслух такое сочувствие высказывать в условиях русской жизни не приходилось, а потому нет ничего удивительного в том, что и наша сатира сохранилась в единственном списке.

Да и самая форма этих сатир-пародий не для всех еще была приемлема. Если современники обвинили в кощунстве Ломоносова за «Отче наш саксонских крестьян», то в данном случае, кроме непривычного для русских читателей пародирования церковных молитв, сатира могла напугать некоторых и той смелостью, с какой она нападала на верховную власть. Характерно, что почти сто лет спустя Д. Иловайский, представитель определенно реакционного мировоззрения, публикуя польский оригинал Тарговицких молитв, замечает: «Как кощунство упомянутых пародий делает их неудобными

18

¹ Жизнь, им самим описанная. Русский быт в екатерининскую эпоху, Нерр., 1922.

для русской печати, то мы ограничиваемся сообщением их в подлиннике» (стр. 586). Остается не вполне ясным, что было кощунством для Иловайского — пародирование молитвы, или такое, с его точки зрения, оскорбительное отношение к благодеяниям Екатерины II по отношению к полякам. Надо думать, что скорее последнее, так как лет через 20 после разобраных польских сатир в самых благонамеренных по отношению к верховной власти кругах русского общества возникает аналогичная пародия — символ веры, вызванный войной с Наполеоном.

V

Французская революция и последовавшие за ней наполеоновские войны, во всей Европе чрезвычайно обострившие взаимоотношения отдельных государств, вместе с тем повсюду разбудили большой интерес к политическим событиям. Россия, почти не принимавшая участия в войнах первой коалиции, уже со времени образования второй европейской коалиции против Наполеона начинает активно участвовать в борьбе с ним. После короткого периода франко-русского союза, последовавшего за Тильзитским миром, война возобновляется, и русское общество втягивается в оценку происходящих событий.

В массе литературных произведений самого разнообразного характера, связанных с этой эпохой, следует отметить ряд сатир-пародий, примыкающих к старой манере пародирования церковных памятников. Обзор этой группы сатир-пародий начну со старшей хронологически, предшествующей еще образованию второй коалиции. В сборнике конца XVIII — нач. XIX в. Библио-Академии Наук УССР № 989 на л. 49 читаем текст, озаглавленный «Страсти или переговоры в Расштате 1798 года марта 12 дня».

Римская Империя говорит:

Прискорбна есть душа моя до смерти.

Духовные курфирсты.

Аминь, аминь, глаголю вам, яко един от вас предасть мя.

Бонапарте.

Мы закон имами и по закону нашему должен есть умерти.

Пруссия.

Что ми хотите дати, и аз вам предам его?

Герцог Бугевитский.

Его же аще лобзу, той есть, имите его.

Швеция и Дания.

Прищ(ед) обрете их спяща.

Турция.

Беста бо им очи отягощенны.

Гессен.

Тако ли не возмогосте единого часа побдети со мною?

Тосканиа.

Дух бо бодр, плоть же немощна.

Императорский сейм.

Спите протчие, почивайте, се приближися час, Империя Римская предается в руки грешников.

Сардиния.

Тогда все ученицы оставльше его побежаша.

Папа.

Возврати нож свой и в место его, вси бо приемше нож, ножем погибнут, и егда петел французский возгласит, и вышед вон плакася горько.

Австрия.

Не знаю человека.

Неаполь.

Или мнится ти, яко не могу ныне умолити отца моего и представит ми вящше или дванадесяти легиона ангелов.

Россия.

Кое убо зло сотвори? И Пилат, прием воду, умы руке пред народом.

Англия.

Я не единыя вины обретаю в нем, кое убо зло сотвори?

Франция.

Кровь его на нас и на чадах наших.

Тизальпин.

Распи, распи его.

Голландия.

Аще его^а пустиши, неси друг кесарев.^б

^а Начиная со слов «Голландия» отрывок этой пародии сохранился в рукописи. сборнике Библиот. Сарат. гос. унив. № 2128, к. XVIII — нач. XIX в., л. 197. В сп. С вместо его читаем сего.

^б доб.: Фландрия. Не о мне, но о себе и о чадах своих восплачите. С.

Португалия.

И сему (задеша)^е понести крест его.

Венеция Модена.²

И распяша с ним два разбойника, единого одесную, а другого ошуюю.³

Епископы.

Разделиша ризы моя и меташа жребий,^е кто что возмет.

Монахи.

И преклонше главы, вскоре предадут дух свой.

Швейцария.⁵

Совершишася.

Конде³ с своею армиею.

И видяше позор сей, бияху^у себя в персы.⁸

Армия императорская.⁹

Во истину аз есмь,¹⁰ и не отступают назад.¹¹

Те же.¹²

Изидем отселе.¹³ Падая стремглав.¹⁴

Весь собор.

Вечная память.

Нет никаких оснований считать этот памятник переводным. Автор взял рассказ евангелия от Матфея (главы 26 и 27) о последних днях жизни Христа и, в точности сохраняя его текст, распределил реплики между участниками конгресса: в роли Христа представлена им Римская (Германская) империя, духовные курфюрсты, епископы и императорский сейм; Бонапарт и остальные участники конгресса выступают с речами Пилата, судей и народа, требующего распятия. Таким образом в драматизированной форме евангельский рассказ воспроизводит картину Рапштатского конгресса.

На этом конгрессе должен был быть решен вопрос о вознаграждении итальянских и имперских князей, потерявших свои владения в силу трактата, заключенного в Кампо Формио 17 октября 1797 г. Французы хотели компенсировать их за счет духовных германских владетелей, произведя секуляризацию их владений. Это намерение «послужило сигналом к самой отвратительной свалке, и все немецкие государи торопились урвать себе по кусочку новой территории. Напрасно настаивали представители духовен-

1 Так С, здесь дати. 2 мосна С. 3 единого С. 4 доб. о них С. 5 доб.

Петр же иде по нем. Генуа С. 6 так С, здесь Кондо. 7 к 7-8 перси своя С. 8 имперская С. 9 10-11 Они отступают назад, падая стремглав С. 12 13 Армия императорская С. 14-15 проп. С.

ства, что Германская империя и власть императора составляют учреждения чисто теократического свойства. Светские государи и слышать об этом не хотели, потому что они успели уже наметить себе те лакомые кусочки, которые они рассчитывали получить в тот день, когда будут продаваться с аукциона владения Германской империи... Франция с своей стороны разжигала их дурные страсти, чтобы сделать их послушными орудиями в своих руках». Вот эту-то свалку и изображает наша пародия. В то время как искавшие себе прибыли от дележа Германской империи взывают, как Пруссия: «что ми хочети дати, и аз вам предам его», или как герцог Буге-витский: «его же аще лобзу, той есть, имите его», или Тизальпин, взываю-щий: «распни, распни его», — ряд государств, непосредственно не заинтере-сованных в дележе, держатся в стороне, не противодействуя. Таким образом, Швеция и Дания отмечены автором словами: «пришед обрете их спяща», Турция: «беста бо им очи отягощенны», Австрия уклончиво отвечает: «не знаю человека», а Россия, как Пилат, вопрошает: «Кое убо зло сотвори?» «И Пилат прием воду, умы руце пред народом», добавляет о ее роли автор. Бонапарт и Франция выставлены в роли неумолимых судей: «Мы закон имамы и по закону нашему должен есть умерти», «кровь его на нас и на чадах наших».

Таким способом, не прибавив от себя ни одного слова, исключительно одним евангельским текстом автор изобразил трагедию, разыгравшуюся в Раштате и кончившуюся убийством французских депутатов после выезда их из города и возобновлением войны.

Замысел автора в данном случае очень смел: перевести на евангель-ский язык описание интриг и дразг, имевших целью только одну наживу, было, конечно для той эпохи предприятием необычным. Но основная цель автора этим приемом достигнута. Он показал путем резкого контраста глубокую несправедливость, допущенную, с его точки зрения, по отноше-нию к Германской империи. Сохраняя полностью евангельский текст, автор создает впечатление пародии только тем, кто произносит традиционные евангельские слова. Когда роли евангельских героев оказались у него распределенными между европейскими государями, то дальнейшего изме-нения уже не потребовалось, и все искусство автора выразилось в том, чтобы, не отступая от текста оригинала, передать действительный характер «Раштатских переговоров». Критическое отношение автора к роли России во время этих переговоров выразилось в том, что ее он наделил двулич-ностью Пилата.

VI

Под свежим впечатлением начала второй войны с Наполеоном в 1812 г. составлены, видимо, два произведения, своей формой близко напоминающие сатиры эпохи Тарговицкой конфедерации. В сборнике Библ.—Академии Наук СССР собрания Иконникова, на лл. 166—168 читаем следующие тексты:

Скрижали Наполеоновы

I. Народ Европейский! Аз есмь единый вал царь и властелин. Да не будут вам иные цари.

II. Не творите себе владык, ни всякого подобия оных. Поклоняйтесь и служите Мне единому.

III. Однако ж не приемлите имени моего всуе; но произносите оное всегда со страхом и трепетом.

IV. Помните мою конскрипцию: всякий год из семи юношей шесть должны поступать под мои знамена, а седмой да работает мне и дает дань яко кесарю.

V. Оставляйте дети отцов и матерей ваших, идите на войну, там благо вам будет, и не долголетны будете на земли.

VI. Но из под знамен моих никто не уйди.

VII. Отнюд не ропчите, и кто разверзет уста свои, того я лютой смерти предам.

VIII. Не украдьте только у меня, ибо я сам стяжал от других все, что имею.

IX. Не послушествуйте на меня свидетельств ни истинных, ни ложных, а других царей безславьте, сколько сможете.

X. Есть ли не сотворите моих законов сих, то я не пожалею ни жен, ни домов ваших, ни сел, ни рабов, ни рабынь; пойму волов ваших, ослов и вся, елика имате.

В сих десяти заповедях содержатся главныя правила поступков нового Макиавеля завоевателя; с первого взгляду они кажутся смешны, но Наполеон доказал их основательность своим поведением. Его прокламация к солдатам, его декреты и другие публичныя бумаги содержат в себе сии заповеди, только в других словах.

Символ политической веры русских

I. Верую во единого государя Александра I-го, кроткого и человеколюбивого царя земли русской и вся северныя страны повелителя.

II. Исповедую священные уставы мудростию великих мужей и православных царей учрежденные и никогда не признаю законов чуждых, не преклоню колена пред владыкою чужеземным или пришельцом.

III. Верую во единое отечество, охранявшее благоденствие наших предков и ныне охраняющее нас самих.

IV. Исповедую, что его польза единосущная есть с моею собственною.

V. Верую, что благотворное правительство избавит нас от злых рук Наполеона, рожденного в Корсыке от любострастной жены Летиции и пронырством достигнувшего престола, поработившего Францию, Италию, Германию, наконец в осьмое лето своего царствования пришедшего на Север с своими клеветами и крамольниками для ограбления земли русской.

VI. Но я верую, что он пострадает от рук наших воинов.

VII. И не сядет одесную отца отечества, царя русского.

VIII. И паки не придет к нам со славою творити живых мертвыми в царствую его скоро будет конец.

IX. Чаю восстановления престолов, низложенных его рукою.

X. И будущего благоденствия разоренных им народов. Аминь.

Внешне напоминая переводные с польского языка пародии, «Символ политической веры русских» и «Скрижали Наполеоновы» идеологически существенно разнятся от них. «Символ веры» — сплошной дифирамб Александру I, его «мудрой» политике и одновременно выражение самой яркой ненависти к Наполеону, «низвергнутому престолы». «Скрижали Наполеоновы» подробнее развивают эту тему: здесь Наполеон рисуется исключительно как самовластный владыка, не признающий никаких законов, кроме своих собственных. Оба произведения точно датируются ясным указанием в «Символе веры»: «наконец в осьмое лето своего царствования пришедшего на Север с своими клеветами и крамольниками для ограбления земли Русской. Но я верую, что он пострадает от рук наших воинов и не сядет одесную отца отечества, царя Русского». От объявления империи Наполеоном в 1804 г. до войны его с русскими в 1812 г. прошло как раз 8 лет. На то, что война лишь началась, указывают слова: «верую, что он пострадает от наших воинов».

Автор обоих этих произведений явно стоит на официальной точке зрения русского правительства, объяснявшего войну необходимостью защищаться от захватнических намерений Наполеона, он является выразителем этого официально «патриотического» направления: «Верую во единое отечество, охранявшее благоденствие наших предков и ныне охраняющее нас самих» — кого охраняла эта, дорого стоявшая России, война, ясно. «Исповедую, что его польза единосущная есть с моею собственною», продолжает «патриотически» настроенный автор. «Я верую, что он (Наполеон) пострадает от рук наших воинов» — так безапелляционно утверждает он, в данном случае повторяя правительственные заверения. На самом деле,

только представители крупного землевладения если и не верили твердо, то во всяком случае вслух высказывали эту уверенность в несомненной победе. Мечты автора «Символа верь» не идут дальше изгнания Наполеона из России и «восстановления престолов, низверженных его рукою». В 1812 г., когда исход войны с Наполеоном был еще совершенно неясен, в таком «ура-патриотическом» стиле могли писать только в кругах, стоявших на правительственной точке зрения. Примечания к «Скрижалям Наполеона» показывают, что автор обладает некоторой начитанностью в западной литературе: он называет Наполеона «новым Макиавели», читал прокламаций Наполеона к солдатам, его «декреты и другие публичные бумаги»; все это лишний раз указывает на то, что и «Символ верь» и «Скрижали» создались или среди правящих кругов или среди их единомышленников.

Оформляя свои политические идеи, автор идет в колее, намеченной его предшественниками в области пародирования церковных молитв: он воспроизводит основные очертания этих молитв, заполняя готовый остов новым содержанием. Некоторые заповеди стилизованы им довольно удачно под старый текст заповедей Моисея. Так, напр., из IV заповеди «шесть дней делай и сотвориши в них вся дела твоя, день же седьмый, суббота, господу богу твоему» — он взял цифры для описания рекрутских наборов Наполеона: «Из семи юношей шесть должны поступать под мои знамена, а седьмой да работает мне...» Церковное «чти отца твоего и мать твою да благодати будет и да долготелен будеши на земли» не без иронии заменяется автором противоположным по смыслу: «оставляйте, дети, отцов и матерей ваших, идите на войну, там благо вам будет, и не долготелны будете на земли» и т. д. В зависимости от церковного оригинала, автор выдерживает все свое изложение в «высоком» стиле, славянизирова язык и тогда, когда он отступает от подлинных выражений церковных текстов.

VII

Отголоском войны с Наполеоном является и отрывок церковной службы, написанный в Костроме и обличающий ряд костромских администраторов. Текст его сохранился в сборнике собр. В. Н. Перетца Ф. 46, содержащем выписки из печатных книг, в том числе из «Северной пчель» 1829 г. (синеватая бумага 1817 г.). Лл. 14 об. — 16 об. занимает пародия на церковную службу.

Апостол

Брате, послание к тебе пишу, чадо, извещаю тебе, что многия скорбят на мя и стрелы злобы испускают на мя, я же ни одного зла сотворих. Злоч-

стивый дух Бардаков злобно омрачашеся и испускает на мя клеветы велия, коих не токмо мне творити, но и в помыслы мне не входящи. Я же злобе их смеюся, и правда моя изженет злыя клеветы их. И пойдут окаяннии во тьму срама и поношения, любящии же возликовствуют и о истинне моей возрадуются Аминь.

Евангелие

Во время оно егда галлы, пришед на землю рускую, и умысли водворитися в ней, тогда Костромский Пилат сын Пасынков собрана князи людстии, в сей стране ему подвластные, и рече им волю царскую, да изберут себе мужа вождем сил крестоносных, да изженут врага лютаго из страны отечественной. Но не дожидаяся повального их избрания, беснуясь от навождения диявольского, и умысля по навету его избрати мужа злочестивого, мерзкаго, хулителя, издоимного, скаредного Иуду (Бардакова) от племени Искарюдскаго. Много же бо людие божии терпеша от него, скаитахуся с ним во странах Зависельских и Одерских, овии позябоша, овии от глада погибоша. Претерпевый же до конца, той спасен будет.

Ирмос

Волною морскою во гневе брошенного в град Кострому, гонителя мучителя, доселе в корабле скрывшаго. Но мы, бедные дворяне, равно и поселяне поем: избави нас, царю, от него! Забрах и покорих! славно бо он прославился.

Антифон

Не дивися, о ныне Кострома! Видевше яко коня тучна и сыта, его же прежде еле жива отведоша во флот, ныне ж приидох явственно и изнуренное костромское дворянство и мещанство испровергнуть и сокрушить, верую и любовью к отечеству величающе.

Кондак

Се предстоит тупоглаголивый Обрамко (костромской помещик Сумароков) и бормоча вопиет ему: ваше превосходительство, не возгнушайся странного моего зрака, кавалер бо есмь, его же ты един и единою в сей знак облегсти возмогл еси, веруй истинным моим глаголом, се бо приидох возвестити тебе, яко слава твоя въздет во всю землю рускую. Сего ради зову ти: радуйся, яко на губернаторство обманом и плутнями возгнездился еси. Радуйся, яко из нищих богатейшим уже стал еси. Радуйся, яко до полумиллиона сокровищ неправильно стяжал еси. Радуйся, яко тем одним поддерживаешися и по деяниям твоим на виселицу еще не взшел еси. Радуйся, яко смертоубийцу Каликина в тюрьме уморить предупел еси. Радуйся, яко в заточении его все имение на имя мое перекрепить и подобрать к себе возмогл еси. Радуйся, яко свидетелей злодеяния твоего отравил еси. Радуйся, яко с косноязычным Топычем (костромской почтмейстер) на почтовых лошадей от семи копеек до рубля с души возвысил еси. Радуйся, яко князя . . . . . (губернской предводитель князь Козловской) на рабе его, уморив первого мужа псаря и живодера Николку, женил

еси. Радуйся, яко с Иполитом Понтусом дружбу сведа, все награбленное разделили. И радуйся, всем плутням его великий сподвижнице, да зовем ти: радуйся, неистовый, пьяный, чреватый дурак наш еси.

Часть этой пародии, именно «Евангелие», дает любопытную бытовую картину того, как проводилось во время войны с Наполеоном «избрание вождя сил крестоносных», т. е. предводителя ополчения, собранного дворянами Костромского края против французов. Костромской губернатор Пасынков, не дожидаясь «повального избрания», сам назначил некоего Бардакова, «мужа злочестивого, мерзскаго, хулителя, мздоимнаго, скареднаго Иуду». «Людие божии», которые пошли за ним в поход «в страны Зависельские и Одерские», «овии позябоша, овии от глада погибоша». Такова была неприкрашенная патриотическими вымыслами правда: вместо облеченного общественным доверием предводителя, ополчение получило, по назначению начальства, взяточника, погубившего во время похода за границу свой отряд.

Остальные части службы содержат характеристику этого «начальства», губернатора Пасынкова. Характеристику дает в форме акафистных восхвалений «тупоглаголивый Обрамко» — костромской помещик Сумароков, который раскрывает ряд злоупотреблений, прославивших в Костроме Пасынкова. Здесь и получение губернаторства «обманом и плутнями», и полмиллиона богатства, которое он «неправильно стяжал», и какое-то темное дело с «смертоубийцей Калякиным», которого губернатор «в тюрьме уморити предупсел», а имение его «подобрал себе», и темное же дело с костромским почтмейстером — повышение платы за почтовых лошадей с семи копеек до рубля, и женитьба губернского предводителя дворянства князя Козловского на жене «исаря и живодера Николки», предварительно «уморенного» князем.

В целом эта служба представляет интересную картинку провинциальной жизни администраторов, совершенно безответственно распоряжающихся имуществом и жизнью своих подданных. Автор из «бедных дворян» намекает на какие-то «клеветы велия», «испускаемые на него» Бардаковым, но надеется, что «правда изженет злые клеветы». В ожидании же он утешает себя, обличая не только своего непосредственного врага, но и всех вообще костромских администраторов. Церковную службу автор в общем знает, но из всех своих оригиналов близко подошел он только к одному, когда писал свой ирмос. Церковная песнь «Волною морскою скрывшаго древле гонителя, мучителя фараона» дана им в незначительном перифразе. Что же касается остального текста, то он берет лишь самые общие очертания

своих оригиналов. Так «Апостол» имеет традиционное начало апостольских посланий: «brate, послание к тебе пишу, чадо», «Евангелие» вставлено лишь в церковную рамку с помощью начального «во время оно» и заключительного «претерпевый же до конца той спасен будет». В «Кондаке» акафистную форму создают начальные «радуйся», повторяющиеся в характеристике губернатора. Зато автор постарался выдержать, насколько умел, славянский язык, так резко контрастирующий с содержанием «службь», и эта языковая оболочка уже сама по себе создает впечатление пародии.

Перед нами прошел ряд разнообразных по своему происхождению (переводных и оригинальных) и содержанию пародий. Саксонский крестьянин, страдающий от постоя чужих войск, француз, защищающий свой парламент от произвола королевской власти, русский чиновник, обиженный приказом учиться, польский патриот, негодующий на вмешательство иностранцев во внутренние дела его родины, — все они прибегли к одному и тому же литературному средству, чтобы выразить свой протест. Всех их роднит не только самая форма пародии, облакающая этот протест, но и выбор контрастирующего приема. Почему все они сошлись на церковной литературе как на наиболее подходящем оригинале для своих пародий? Думаю, что для этого были две основные причины. Во-первых, в XVII, XVIII и даже в начале XIX в. церковная литература у всех европейских народов, хотя бы в самом скромном размере, входила в элементарное образование. Начатки христианской морали, выраженные в символе веры, заповедях и основных молитвах, становились в это время знакомыми каждому, независимо от национальности и классовой принадлежности, кто получал начальное образование. Этот минимум входил и в школьные программы и в домашнее обучение. Для большинства русских в это время первой учебной книгой за букварем был еще часослов, откуда можно было твердо усвоить себе эти литературные формы. Таким образом автор, пародирующий церковный оригинал в эту эпоху, мог быть вполне уверенным в том, что любой грамотный читатель схватит его замысел, воспримет его пародию на фоне церковного оригинала. С другой стороны, именно церковная литература, для большинства выражавшая еще в это время положительную программу поведения, была особенно подходящей в тех случаях, когда автор хотел подчеркнуть отрицательность тех или иных явлений в общественной и политической жизни. Часть авторов, несомненно, уже стояла на антирелигиозной точке зрения и, пародируя церковные оригиналы, тем

самым обнаруживала свое критическое к ним отношение. Но вряд ли можно это утверждать применительно ко всем авторам. Благонамеренный составитель политического символа веры русских, облакая свой дифирамб Александру I в церковную форму, несомненно, далек от антицерковных настроений и совершенно искренно готов приравнять царя земного к царю небесному. Как мы видели, большинство приведенных пародий прибегает к обращению к верховной власти — либо резко осуждая ее, как это делают французское «Отче наш», польские сатиры-пародии, польский «Символ веры» и «Скрижали Наполеоновы», либо восхваляя или умоляя, как поступили немецкие авторы «Отче наш», «Плача коллегских советников» и «Политического символа веры русских». В таких случаях обращение к земному царю очень удобно строилось на церковных формулах обращения к царю небесному. Потому так охотно прибегают авторы пародий к перифразу «Отче наш», заповедей и «Символа веры». Не только их общеизвестность, но и самый характер их построения делал их особенно удобными для целей пародирования. Таким образом, резко противоположные по своим политическим взглядам авторы сошлись в литературном оформлении своих сатир на одном и том же литературном средстве.

